

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

На правах рукописи

ЧОЙ КЁН НАМ

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ (НА ФОНЕ КОРЕЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

Специальность – 10.02.01– русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2008

Работа выполнена в Отделе современного русского языка
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук профессор
Крысин Леонид Петрович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Крылова Ольга Алексеевна,

кандидат филологических наук
Петрова Зоя Юрьевна

Ведущая организация: МГУ им. М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра общей теории словесности

Защита диссертации состоится 22 мая 2008 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 002.008.01
при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН по адресу:
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Автореферат разослан апреля 2008 года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние годы внимание лингвистов и культурологов всё больше привлекают к себе проблемы соотношения языка и культуры, связи языка с социальным и духовно-культурным контекстом времени, а также взаимосвязи человека и культуры в современном обществе. В нем непосредственно отражаются различные модели картины мира, которая представляет собой систему ценностей и духовную жизнь конкретного народа, его нравственные устои, специфику осмысления явлений действительности, а также особенности психологии. Каждый человек живет в объективно данном мире, но представление каждого человека о мире субъективно. При этом субъективно мир отражается не только в представлении отдельного человека, но и в разных культурах. Естественно, что картина мира со временем меняется у разных этносов, рас и классов.

Для отдельно взятой нации картина мира объективно выражается в ее языке.

В связи с этим одной из основных задач современной лингвистической семантики стало исследование концептуализации мира языком (или исследование языковой картины мира), т.е. изучение того, как язык членит мир и как он представляет его.

Наряду с описанием языковой картины мира отдельного этноса или нации принципиально важной считается задача сравнения картин мира, стоящих за разными естественными языками. Язык – это не только средство понимания друг друга, но и понимание мира и усвоение культуры.

Национально-языковая картина мира отражается в менталитете нации, который включает опорные концепты, понятия, образы, символы, присущие данной нации. С точки зрения лингвистики мы рассматриваем структуру и

содержание таких языковых единиц, как слово, фразеологизм, афоризм, текст, в которых содержатся фоновые знания и способы отражения этих знаний в национально-языковой картине мира. Преломление в национально-языковой картине мира сознания различных народов считается одним из серьёзных теоретических вопросов, стоящих перед современной лингвистикой и лингвокультурологией.

С понятием языковой картины мира тесно связано понятие культурного символа. При этом языковая картина мира того или иного народа включает как общечеловеческие, так и национально-специфические символы.

В сказках разных народов мы видим часто сходные идеи, темы, сюжеты и образы. Однако сказкам каждого народа свойственна и ярко выраженная национальная специфика. Именно в сказке нередко отражается процесс рождения символа.

Объектом данного диссертационного исследования являются русские народные сказки, а также пословицы и поговорки, в которых встречаются многочисленные зоосимволы и символы-атрибуты¹.

Лингвокультурологический анализ этих сказок осуществлен на фоне корейского фольклора, путем сравнения сходных или совпадающих культурных символов в русском и корейском фольклоре.

Предмет исследования – это зоосимволы и символы-атрибуты, используемые для выражения оценочных значений соответствующих фрагментов языковой картины мира в сопоставляемых языках.

Актуальность работы связана с недостаточной изученностью языковой картины мира у разных народов и необходимостью дальнейшего исследования ее отдельных фрагментов.

В качестве одного из культурно значимых фрагментов была взята сфера употребления зоосимволов в текстах русских народных сказок и паремий в сопоставлении с аналогичной сферой в корейских источниках.

¹ Атрибуты – это прилагательные-определения. Из них мы рассматриваем две пары: *молодой-старый, свой-чужой*.

Языковое выражение зоосимволов в русской народной сказке (на фоне корейской сказки) пока не становилось объектом изучения, что определило **новизну** исследования.

Теоретическая значимость диссертации определяется разработкой лингвокультурологического направления в сравнительно-сопоставительных исследованиях применительно к зоосимволу и символу-атрибуту.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в обобщающих работах по языку фольклора, в лекционных курсах по лингвокультурологии. Сопоставительное исследование культурных символов в русском и корейском языках приведет к выявлению ряда межъязыковых сходств и различий, что имеет важное практическое значение.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава посвящена рассмотрению понятий «языковая картина мира», «коннотация», «коннотативные смыслы» и «культурные символы» в современной лингвистике. Вторая глава посвящена сравнительной характеристике значений зоосимволов в русской и корейской народной сказке. В третьей главе дается сравнительная характеристика значений символов-атрибутов в русской и корейской народной сказке. В заключении представлены основные выводы работы и обобщения.

Цель исследования: на конкретных примерах анализа значений зоосимволов и символов-атрибутов выявить их универсальные и специфические смыслы в языковых картинах мира русского и корейского народов.

В связи с этим основными задачами настоящего диссертационного исследования являются следующие **задачи**:

1. Выявить круг культурных символов, характерных для русских народных сказок.
2. Определить специфику их языкового выражения в русском фольклоре.

3. Выявить круг культурных символов, характерных для корейских народных сказок.

4. Определить специфику их языкового выражения в корейском фольклоре.

5. Сопоставить выявленные культурные символы в русской народной сказке с культурными символами в корейских сказках.

6. Дифференцировать выявленные культурные символы в русском и корейском языках на 1) универсальные и 2) национально специфичные.

7. Сопоставить способы выражения универсальных и национально-специфичных культурных символов в русском и корейском языках.

Материалом для исследования послужили тексты, изданные в сборнике «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева» (в трех томах) (М. изд-во худ. литературы, 1957), а также тексты, опубликованные в книге «Корейская народная сказка²» (в двух томах) (Сеул, Сиинса, 1999). Всего к анализу было привлечено 452 текста русских народных сказок и 205 текстов корейских народных сказок. Вспомогательным материалом явились «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (в четырех томах) (М. Русский язык Медиа, 2006), «Пословицы русского народа» В.И. Даля (М. Эксмо, 2006), «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь» (М. Гнозис, 2004), «Золотые слова корейского народа» Лим Су (Спб, 2003).

² Корейские сказки были проанализированы автором данного исследования в оригинале. В диссертации представлены примеры из текстов корейских сказок в нашем переводе (Чой Кён Нам).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы и её новизна, определяются цель и задачи исследования, даётся общая характеристика лингвистического материала.

Первая глава называется «Языковой символ и связанные с ним понятия». Она посвящена теоретическим основам исследования. Глава состоит из трех параграфов. **В первом параграфе** «Понятие “языковая картина мира” в современной лингвистике» рассматриваются разные определения понятия языковой картины мира, существующие в российской (и отчасти зарубежной) научной традиции. Вопросы роли языка в процессе становления сознания и формирования картины мира посвящены исследования как российских учёных (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, А.Я. Гуревич, Л.В. Щерба, В.Н. Топоров, Г.Д. Гачев, Н.Д. Арутюнова, В.И. Постовалова, Г.Д. Томахин, Ю.Д. Апресян, Н.Б. Мечковская и др.), так и зарубежных (В.фон Гумбольдт, Э. Сепир и Б. Уорф и др.). Определение картины мира, или модели мира, предложенное В.Н. Топоровым, считается многими учёными достаточно полным: «В самом общем виде модель мира определяется как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах. Модель мира не относится к числу понятий эмпирического уровня (носители данной традиции могут не осознавать модель мира во всей её полноте). Системность и операционный характер модели мира дают возможность на синхронном уровне решить проблему тождества (различение инвариантных и вариантных отношений), а на диахроническом уровне установить зависимость между элементами системы и их потенциями исторического развития³». Что касается языковой картины

³ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику. М., 1992. с. 161.

мира, то считаем необходимым, вслед за Ю.Д. Апресяном⁴, указать на следующую её особенность. С одной стороны, способ концептуализации (= организации) действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен для каждого языка. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» (не научной), поскольку существенным образом отличается от научной картины мира любого языка. Всякий язык есть социально-историческое явление, а потому имеет национальный характер. Таким образом, картина мира представляется как взаимодействие человека и среды или как результат переработки информации о среде и человеке. Описание национально-культурной специфики паремий тесно смыкается с проблемами исследования человеческого сознания, восприятия мира и способов его осознания, отраженных в языке.

В диссертационном исследовании принимается определение языковой картины мира, данное в указанной работе В.Н. Топорова.

Итак, национально-языковая картина мира отражается в менталитете нации, который включает опорные концепты, понятия, образы, символы, присущие данной нации. Национальные приоритеты и идеалы, отчасти подвергаясь изменениям под воздействием исторических обстоятельств, всё-таки сохраняют свою традиционную форму и значимость в языке. С точки зрения лингвистики мы рассматриваем структуру и содержание таких языковых единиц, как слово, фразеологизм, афоризм, текст, в которых содержатся фоновые знания и способы отражения этих знаний в национально-языковой картине мира. Преломление в национально-языковой картине мира сознания различных народов считается одним из серьёзных теоретических вопросов, стоящих перед современной лингвистикой и лингвокультурологией.

Во втором параграфе «Коннотация и коннотативные смыслы» делается обзор работ, посвящённых изучению коннотативных символов, по

⁴ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. с. 350-351.

трём направления: семиотическое (работы Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Р. Барта, Н.Д. Арутюновой и др.), психолингвистическое (работы А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, В.Ф. Петренко и др.) и собственно лингвистическое (работы Ш. Балли, В.Н. Телии, И.А. Мельчука и Л.Н. Иорданской, Ю.Д. Апресяна и др.). В семиотике имплицитно присутствует аспект, связанный с внеязыковым содержанием, культурным пространством, в котором функционирует языковой знак. В лингвистической традиции, восходящей к работам Ф. де Соссюра и Л. Ельмслева, знаком называется двусторонняя сущность: материальный носитель – означающее (форма), и то, что он представляет, – означаемое (содержание, смысл). Двойственная природа языкового знака и его полифункциональность являются основными факторами порождения коннотаций. В диссертационном исследовании принимается известное определение коннотации, предложенное Ю.Д. Апресяном: «Коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него⁵».

Если сравнивать, например, коннотации слов “свинья” – “боров”, “петух” – “курица”, то, при близости денотативного содержания указанных лексем, обусловленного часто фразеологическими свойствами названных существ, следует отметить их явную коннотативную несхожесть. Так, у слова “боров” нет ни одной коннотации слова “свинья”.

При этом, как указывает Ю.Д. Апресян, такие формы без коннотативного значения, а также имеющие какие-либо коннотации, следует рассматривать как многозначные слова, а не омонимы⁶.

⁵ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. с. 159.

⁶ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. с. 174.

Коннотация как выраженное в соответствующих компонентах лексического значения слова определенное отношение говорящего (= носителя языка) к предмету номинации является обязательным компонентом языковой картины мира того или иного народа. Как правило, определенные коннотативные смыслы, хорошо известные всем членам языкового сообщества, сопровождают языковые символы.

Третий параграф посвящён истории вопроса о языковых символах, которая прослеживается в работах многих российских учёных от А.А. Потебни. Его диссертация «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1863) стала затем программным документом русских символистов. К изучению отдельных сторон символа обращались многие современные лингвисты: Ю.Л. Лясота, Ю.А. Гвоздарев, А.Н. Молчанова и др.

Вслед за Е.В. Шелестюк под языковым символом мы понимаем «многосмысловой конвенциональный мотивированный знак, репрезентирующий, помимо собственного денотата, также связанный с денотатом, но качественно иной, большей частью отвлеченный или абстрактный референт так, что первичное и вторичное значения объединяются под общим означающим»⁷. Важными свойствами символа, по мнению Е.В. Шелестюк, являются образность, мотивированность, комплексность содержания и равноправие прямого и переносного значения, имманентная многозначность, архетипичность, встроенность в структуру вторичных знаковых систем, а также универсальность в различных культурах. Основными свойствами символа являются мотивированность; комплексность содержания и равноправие прямого и переносного значения; архетипичность.

Вторая глава «Сравнительная характеристика значений зоосимволов в русской и корейской народной сказке» состоит из шести параграфов, в которых осуществляется анализ и сопоставление значений зоосимволов в русской и корейской народной сказке на примере таких зоосимволов, как *лиса, волк, медведь, заяц, собака, кот, змея, свинья, корова, бык, конь*

⁷ Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа. М., 1998. с. 5

(лошадь), мышь, петух, ворон (ворона), муха, которые характеризуются как типичные, стереотипные русские мифологические образы⁸. В общем массиве проанализированных сказок выделяется блок, в котором преобладают зоосимволы. Это 186 русских (41% от общего числа) и 66 корейских сказок (32% от общего числа). Кроме сопоставления значений зоосимволов в русском и корейском языках предметом нашего интереса стала предпочтительность, или частотность, одного и того же зоосимвола в обоих языках. В связи с этим был произведен соответствующий подсчет, который выявил частотность каждого зоосимвола в блоке русских и корейских сказок о животных. Частотность показывает процентное отношение сказок о животных к общему числу проанализированных сказок, например, из 186 русских народных сказок в сорока девяти встречается образ лисы, что составляет 26%, тогда как из 66 корейских народных сказок образ лисы встречается лишь в восьми, следовательно, частотность этого образа составляет 12%.

На основе проведенного нами сопоставительного исследования в работе делаются следующие выводы и обобщения.

I. Среди рассмотренных зоосимволов выделяется значительная группа парных зоосимволов, т.е. таких, которые встречаются как в русских, так и в корейских народных сказках, а также в поговорках, сохранившихся в обоих современных языках. Это следующие зоосимволы: «лиса», «заяц», «змея», «ворон», «собака», «кот», «свинья», «вол», «конь», «мышь», «петух» и «курица». Перечисленные парные зоосимволы можно сгруппировать следующим образом.

1. У н и в е р с а л ь н ы е зоосимволы, т. е. имеющие одинаковые коннотации в русском и корейском языках. К таким универсальным зоосимволам относятся «собака», «вол» и «конь». Например, в обоих языках зоосимвол «собака» является, с одной стороны, символом надёжной защиты,

⁸ Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004. с. 57-174.

преданности и верности, а с другой – символом физической и моральной грязи. В обоих языках «вол» является олицетворением силы, выносливости и трудолюбия. В русской и корейской народных сказках у «коня» только положительные эпитеты, прилагательные с положительной коннотацией (*добрый, чудесный, богатырский, любезный, чудный, ретивый, славный, борзый, быстрый, верный, волшебный*).

2. Зоосимволы, которые имеют в двух разных языковых культурах сходное, но не тождественное прочтение. Это следующие зоосимволы: «лиса», «заяц», «ворон», «кот», «свинья», «мышь» и «петух». Так, например, в обоих языках зоосимвол «лиса» всегда сопровождается отрицательной коннотацией. При этом в корейском языке этот зоосимвол отличается от аналогичного в русском языке большей агрессивностью, жестокостью и кровожадностью. Ещё одной особенностью корейской сказки по сравнению с русской является то, что с образом лисы часто связано представление об оборотне. В русской сказочной традиции оборотнями оказываются совсем другие животные (или птицы), например волк.

В русском языке в переносном значении слово *свинья* используется для характеристики того, «кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, нечестном» (Ожегов и Шведова 1999: 703). В корейском толковом словаре слово ДэДи “свинья” в переносном значении характеризует жадного и недалекого человека (Новый корейский толковый словарь 1988: 482). При этом для корейцев свинья – символ богатства и счастья. Поэтому выражение ДэДиКум “(видеть) во сне свинью” – (“хороший знак”) имеет исключительно положительные коннотации.

Как в русской, так и в корейской сказке петух является защитником людей от нечистой силы. Однако в русской народной культуре петух также символизирует задиристость и драчливость.

3. Парные зоосимволы, которые в разных языках имеют разное истолкование. Это относится, например, к таким зоосимволам, как «змей», «дракон» (в корейском языке ещё «ИМуГи»). Русская традиция

использования зоосимвола «змей» такова: этот символический образ всегда имеет негативную оценочную семантику, тогда как корейская традиция закрепила за образами-вариантами (дракон – змей – ИмуГи) разное коннотативное содержание. Так змей (змея) – это дух дома, который приносит счастье, вроде русского домового. Так как змей (змея) зимой спит, зимой счастье уходит. А потом весной с появлением змея счастье возвращается в дом. Поэтому корейцы считают, что змей (змея) – символ бессмертия. Но с другой стороны, змей (змея) символизирует зло и искушение. В корейском языке нет дифференциации зоосимволов «змей» и «змея», как в русском языке.

Что касается дракона, то здесь ситуация совсем иная. Дракон – один из самых значимых, почитаемых зоосимволов для корейцев. В корейской народной сказке дракон всегда является положительным героем. Дракон – символ успеха, счастья. Кроме того, в корейской сказке встречается фантастическое животное ИМуГи, которое похоже на змея, но живет в воде, а не на суше. Таким образом, выстраивается следующая цепочка зоосимволов: Дракон, фантастическое существо, имеет только положительные коннотации; ИмуГи, фантастическое существо, обладает как положительными, так и отрицательными свойствами; змея, реальное существо, может иметь как положительные, так и отрицательными коннотации: змей – реальное существо, обладающее как положительными, так и отрицательными коннотациями.

II. Выявлены непарные зоосимволы: они встречаются либо только в русских сказках, либо только в корейских. Так, для русской народной сказки характерными являются образы волка, медведя, орла, гусей-лебедей, ерша и щуки, которые вообще не зафиксированы в корейской народной сказке, при том, что, например, в паремиях некоторые из этих зоосимволов сохранились в обоих языках. С другой стороны, только в корейских народных сказках встречаются образы тигра, полоза и сороконожки.

III. Для русского языка, в силу специфики его лексико-грамматического строя, существенной оказывается дифференциация существительных, обозначающих живые существа, по признаку пола ('мужская особь'/'женская особь'). Имеется в виду противопоставление существительных-зоосимволов: «змея» – «змея», «ворон» – «ворона», «кот» – «кошка», «корова» – «бык», «петух» – «курица», «лошадь» – «конь». Так, «змея» – это фантастическое злобное существо, тогда как «змея» – реальное пресмыкающееся; «ворон» и «ворона» относятся к разным видам птиц, и, следовательно, их противопоставление по признаку пола, выражающееся в противопоставлении по грамматическому роду, оказывается некорректным (с точки зрения их денотативного содержания), по крайней мере для двух указанных пар. Перечисленные выше зоосимволы могут иметь разные коннотации, иногда с противоположными знаками.

В корейском языке для различения существительных по признаку пола используется особый показатель со значением 'он'/'она': петух по-корейски – 수탉, курица – 암탉. Отдельные же лексемы, различающие особи мужского и женского пола, как в русском языке (*петух – курица*), в корейском языке отсутствуют.

IV. Активность зоосимволов в текстах сказок разная, отсюда разная их частотность. В русских сказках частотность зоосимволов в порядке убывания следующая: лиса (26%) – волк (24%) – медведь (21%) – конь (19%) – змея (14.5%) – собака (13%) – петух (11%) – кот (9.7%) – заяц (8.6%) – мышь (8%) – ворон (5.9%) – щука (5.9) – змея (4.8%) – свинья (4.8%) – бык (4.8%) – орел (3.8%) – гуси-лебеди (3.8%) – ворона (3.2%) – курица (2.8%) – корова (2.7%) – ерш (2.7%) – муха (2.2%) – кошка (1.1%) – вол (0.5%).

Частотность зоосимволов в корейских сказках по убывающей: тигр (39%) – змея (21%) – лиса (12%) – полоз (12%) – мышь (9%) – вол (7.6%) – конь (7.6%) – собака (6%) – петух (6%) – заяц (4.5%) – кот (4.5%) – сороконожка (4.5%) – свинья (3%) – ворон (1.5%) – курица (1.5%).

Таким образом, сопоставление частотности зоосимволов свидетельствует о том, что наиболее предпочтительными зоосимволами в русской народной сказке являются «лиса», «волк», «медведь» и «конь», а в корейской народной сказке – зоосимволы «тигр» и «змей», что обусловлено национальной спецификой языков, в которых нашла отражение своя картина мира.

Третья глава «Сравнительная характеристика значений символов-атрибутов в русской и корейской народной сказке» состоит из четырёх параграфов. В этой главе дается сопоставление значений символов-атрибутов, встречающихся в русских и корейских народных сказках. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

I. Прилагательное *молодой* в народных сказках обоих этносов, а также в пословицах и поговорках имеет как положительные, так и отрицательные коннотации.

Положительные коннотации: прилагательное *молодой* указывает на здоровье, физическую силу, ловкость, боевые (бойцовские) качества.

Приведем некоторые примеры из русских народных сказок: ...*вихорь унес наше солнышко, Василису-красу золотую косу, и неведомо – куда ... Два царевича молодые, братья удалые Василисы золотой косы, видя слезы отца-матери, стали просить родителей...* (560⁹), «*Ой гой еси, младой юноша Сила-царевич, как мне тебя не благодарить? Ведь я лежал в том гробе, что ты перенял и велел похоронить; если б не ты, я, может статься, вечно бы плавал по морю*» (575), «*У того короля было три дочери: старшие хороши, меньшая еще лучше!*» (295).

Символическое значение у прилагательного *молодой* наблюдается в русских пословицах и поговорках: *Помоложе, так рублем подороже; Поколе молод, потоле и дорог; Золотое время – молодые лета. Золотая пора – молодые года* (Даль, Пословицы русского народа 2006: 223).

⁹ Конкретные примеры даются с указанием номера сказки (по сборнику А.Н. Афанасьева).

Аналогичное символическое прочтение прилагательных и существительных с корнем – аналогом русскому *молод-* представлено в корейских пословицах и поговорках: “*И цветам свое время, и молодости свое время*”, “*Самое большое богатство – это молодость*” (Золотые слова корейского народа 2003: 113).

Отрицательные коннотации: прилагательное *молодой* обозначает недостаток опыта, смекалки, глупость.

Если герой сказки преклонных лет, то прилагательное *старый* указывает на опытность, ум, мудрость героя; если *молодой* – то, наоборот, на недостаток опыта или смекалки, а то и на его глупость, например: *Иван запечалился; говорит ему мать: «Не кручинься, сыноқ! Ступай на рынок, найми себе приказчика – только постарей выбирай; старые люди – бывалые, на все догадливые»* (364), *Царевна рвала цветочки лазоревые; отошла она немного от мамушек – в молодом уме осторожности не было* (560), *Этот старик подкликал его к себе и взмолился ему: «Дай, пожалуйста, Иван-царевич, напиться!» Иван-царевич еще ничего не знал – был маленький, почерпнул воды и подал ему* (125).

II. Прилагательное *старый* в народных сказках обоих этносов, а также в пословицах и поговорках имеет положительные и отрицательные коннотации.

Положительные коннотации: прилагательное *старый* указывает на опытность, ум, мудрость.

В исследуемых нами текстах сказок выделяются контексты, которые свидетельствуют о том, что в семантической структуре прилагательного *старый*, помимо семы возраста, содержатся семы опытности, большой житейской мудрости, приобретенной с годами, например: «*Скажи мне думу свою крепкую; я человек старый, все знаю*» (136), *Иван-царевич срядился и пошел коня доставать; отошел немало от дому и встретил старого человека:*

«Куда, молодец, пошел? Волей аль неволей? – «Я с тобой и говорить не хочу!» - отвечал царевич, отошел немного и одумался: «Что же я старику ничего не сказал? Старые люди на ум наводят» (157), Иван пошел в город, и попадаетея ему на дороге стар человек, «Здравствуй, Иван крестьянский сын! Куда путь держишь?»... «Ну так слушай меня, коли хочешь счастлив быть...» Иван поблагодарил старика за науку и пошел в город (185), «За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет» (222), «Эх, люди вы старые, сами вы ведаете: кто на сем свете не плачет, тот будет плакать в будущем веке» (259), Так все хитро сделала, что ни муж, ни люди – никто обмана не видит. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится (266).

Символическое значение у прилагательного старый наблюдается в русских пословицах и поговорках: Молодой работает, старый ум дает; Молодой на службу, старый на совет; Молодой на битву, а старый на думу; Старый ворон не каркнет мимо; Старый конь борозды не портит; Старый конь мимо не ступит; Мал да глуп – больше бьют; стар да умен – два угодыя в нем (Даль, Пословицы русского народа 2006: 223).

В корейских пословицах и поговорках тоже встречаются такие примеры: «Хотя стар, но мысли глубоки»; «Старый живет головой», «В речах старика неправды нет», «Старый попусту не говорит», «Старый долго не думает» (настолько он опытен) (Золотые слова корейского народа 2003).

Отрицательные коннотации: старый – символ печали – болезни – смерти.

Приведем соответствующие примеры: Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали: «Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьем сундук ниток – тотчас и смерть

придет!» (93), *Да уж больно стара, еле ноги волочу* (212), *Прилетает к другой избушке, входит – там сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая* (272).

В русских пословицах и поговорках отражены те же символические значения с отрицательной коннотацией: Старость – не радость; Старость – увечье; старость – неволя; *От старости зелье – могила*; Старость не радость, гроб не корысть; Старость не радость, не красные дни; Старость не радость: либо горб, либо кила; Старость не радость, молодость не корысть; Старикам по зубам. Не наша еда орехи, а наша – каша (Даль, Пословицы русского народа 2006: 224-225).

В корейских пословицах и поговорках отражены те же символические значения с отрицательной коннотацией: “*И старый, и больной*”, “*Чем старше, тем короче дорога на кладбище*”, “*Когда человек стареет, он становится ни на что не годным, а жемчуг, когда выцветает, теряет свою ценность*” (Золотые слова корейского народа 2003).

Кроме того, большой разброс коннотативных значений прилагательного *старый* делает возможным употребление его в бранных выражениях, ругательствах – в сочетании с существительными с ярко выраженной негативной коннотацией (*кобель, хрыч, чертовка, хрычовка, пузырьница* и т.п.), например: *Старуха наутро мужу говорит: «Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!»* (95), *Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!»* (137), *Старуха глядит на него быстро и ворчит промеж себя: «Поди-ка ты, старый кобель! Я тебя отвалю рогачом»* (187), *Ну, добрый молодец, вовремя явился; я ведь голодна, есть хочу; убью тебя да скушаю, а живого не спущу» – «Что ты, старая чертовка! Как станешь есть дорожного человека?...»* (215), *«Ах ты, старая пузырьница, - пузырем ж... заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мне не до тебя!»* (313).

III. 1. И в русской, и в корейской народной сказке (прежде всего в волшебной сказке) мир и пространство делятся на две части, или территории, – «свою» и «чужую». Спецификой русской народной сказки является обязательная маркированность «своей» территории.

– неопределенными местоимениями:

а) собственно неопределенными местоимениями:

*в некотором царстве, в некотором государстве, в некоторой деревне, не в
котором царстве, в некоем царстве, в некоем государстве;*

б) местоименными числительными:

в одном селе, в одной деревне, в одной семье, в одном городе;

– притяжательными местоимениями:

своя земля, свое государство, свое отечество, мое царство;

– указательными местоимениями:

*в этом царстве, в этих местах, в этих больших деревнях, в таком-то
царстве.*

2. В отличие от русских народных сказок в корейских сказках «свой» мир не маркируется (за редкими, единичными исключениями). Кроме того, спецификой корейской сказки является также то, что в зачине обычно используется не локатив, а темпоратив: вместо русского «в некотором царстве» – «давным-давно» или «когда тигр курил».

3. В обоих языках в народных сказках «свой» мир символизируют безопасность, привычность, известность и реальность.

4. В русской народной сказке «чужой» мир определенным образом маркируется.

– «Чужое», «иное» пространство определяется как неизвестное (иногда и указательных местоимений): *Я прослышал, что в таком-то царстве, в таком-то государстве есть диковинка: свинка золотая щетинка и т.д.*

– Кроме того, указание на «чужую» территорию может быть сделано исключительно лексическими средствами: *в чужие земли; в змеиное царство; в царство львиное* и т.д.

– «Чужой» мир часто обозначается как находящийся на таком неопределенном расстоянии от «своей» территории, которое не поддается привычной квантификации, отсюда использование слов с количественной семантикой: *за тридевять земель, за тридесятое царство; в пятидесятом царстве, в осьмидесятом государстве* и т.д.

– Иногда «иной» мир определяется как не соответствующий обыденным представлениям о возможных территориях при помощи одной словообразовательной модели: «чужой» мир – это почти всегда мир, находящийся ниже уровня земли, т.е. привычной для героя территории: *подземное царство; подводное царство* и т.д.

– Еще одним способом указания на «чужое» пространство является использование фразеологизмов: *И зашел он на край света и нашел такие народы, что сам, как ни был храбр, ужаснулся их... у одного из них один глаз – и тот во лбу, а у одного три глаза; у одного одна только нога...; Солдат спросил старого короля про его житье – бытие на том свете. «Ах, служивый! Плохо мое житье»* и т.д.

5. В корейской народной сказке «чужой» мир – это “верхнее небо, или рай”, “мир небожителя”, “потусторонний, или загробный мир”, “мир подземелья”, “дворец дракона”, который находится на дне моря.

6. В противоположность русским сказкам «чужой» мир в корейских сказках часто располагается наверху, над землей. В анализируемых нами текстах русских народных сказок примеров, где бы «чужое» царство располагалось наверху, не встретилось.

7. «Чужой» мир символизирует опасность, непривычность, неизвестность, фантастичность, а также мир мертвых.

IV. Что касается собственно языкового выражения символических значений, то здесь следует отметить гораздо большую его вариативность для русского языка. Например, в русских сказках часто встречаются имена, которыми лиса сама себя называет: *Лисичка, Лисица, Лисонька, Лиска, Кума, Кумушка, Лисичка-сестричка, Лиса-кумушка, Лиса-лекарка, Лиса-исповедница, Лиса-повитуха, Лиса-плачя, Лиса Патрикеевна, Премудрая княгиня, Желтая Княгиня, Лизавета Ивановна, дорогая боярыня просвирня*. Понятно, что все эти имена используются лисой для того, чтобы ввести в заблуждение, притупить бдительность наивного простака (зайца, петуха, утки и т.д.) или расположить к себе возможного конкурента (волка, медведя). Однако в тексте сказки лиса прямо называется *Вором* или *Ворогушей*. Очень показательны также эпитеты, которые даются лисе в русской народной сказке (*лукавая, проклятая* и под.), и предикаты, которые однозначно характеризуют лису как отрицательного героя (*схитрить, обмануть, улизнуть* и под.).

В Заключении на основе результатов исследования делаются общие выводы, расширяющие представление о сходстве и различии языковых символов в русских и корейских языках.

На основе проведенного нами сопоставительного исследования значений зоосимволов, встречающихся в русской и корейской народной сказке, можно сделать следующие выводы и обобщения.

I. Среди рассмотренных зоосимволов выделяется значительная группа парных зоосимволов, т.е. таких, которые встречаются как в русских, так и в корейских народных сказках, а также в поговорках, сохранившихся в обоих современных языках. Это следующие зоосимволы: «лиса», «заяц», «змея», «ворон», «собака», «кот», «свинья», «вол», «конь», «мышь», «петух» и «курица». Перечисленные парные зоосимволы можно сгруппировать следующим образом.

1. Универсальные зоосимволы, т. е. имеющие одинаковые коннотации в русском и корейском языках: *собака, вол - конь*.

2. Зоосимволы, которые имеют в двух разных языковых культурах сходное, но не тождественное прочтение: *лиса, заяц, ворон, кот, свинья, мышь, петух*.

3. Парные зоосимволы, которые в разных языках имеют разное истолкование: *змея*.

II. Выявлены непарные зоосимволы, которые встречаются в сказках либо только в русском, либо только в корейском языке.

– только в русском: *волк, медведь, орел, гуси-лебеди, ёрш, щука*.

– только в корейском: *тигр, полоз, сороконожка*.

III. Для русского языка, в силу специфики его лексико-грамматического строя, существенной оказывается дифференциация существительных, обозначающих живых существ по признаку пола ('мужская особь'/'женская особь').

Что касается значений символов-атрибутов, встречающихся в русских и корейских народных сказках, то в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

I. Прилагательное *молодой* в народных сказках обоих этносов, а также в пословицах и поговорках имеет как положительные, так и отрицательные коннотации.

II. Прилагательное *старый* в народных сказках обоих этносов, а также в пословицах и поговорках имеет положительные и отрицательные коннотации.

III. 1. И в русской, и в корейской народной сказке (прежде всего в волшебной сказке) мир и пространство делятся на две части, или территории, – «свою» и «чужую».

2. В отличие от русских народных сказок в корейских народных сказках «свой» мир не маркируется.

3. В обоих языках «свой» мир символизирует реальность, безопасность, привычность и известность.

4. В русской народной сказке «чужой» мир определенным образом маркируется.

5. «Чужой» мир символизирует опасность, непривычность, неизвестность, фантастичность, а также мир мертвых.

IV. Что касается собственно языкового выражения символических значений, то здесь следует отметить гораздо большую его вариативность для русского языка.

Литература включает список использованных научных исследований и словарей. Всего 111 наименований.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих работах:

1. *Чой Кён Нам*. Концепты «своя» и «чужая» территория в русской народной волшебной сказке// Язык, Литература, Культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания, вып. 3, М., МАКС Пресс, 2007, с. 142-147.
2. *Чой Кён Нам*. Сравнительная характеристика значений символов-атрибутов в русской и корейской народной сказке// Русская словесность, вып. 7, М., Школа-Пресс, 2007, с. 76-80.
3. *Чой Кён Нам*. Лиса и заяц в русских и корейских народных сказках // Русская речь, вып. 6, М., Наука, 2007, с. 99-101.